

преподобного Сергия, потому что их просто не существовало. Но благодать Божия через святых людей производит великое чудо преображения человеческой личности.

И мы знаем, что именно своей святостью, а не какими-то внешними дарами, какой-то особой волей или силой, — именно святостью объединил преподобный Сергий разрозненные русские княжества. Сердцем, просвещенным Божественной благодатью, он узрел в Дмитрии Донском того, кто будет способен сокрушить врага. И объединив своим тихим голосом, но горячей и сильной молитвой разрозненные русские земли, тем самым предопределил победу на Куликовом поле, с которой началось освобождение нашего Отечества.

Вот так духовное влияет на мирское, внешнее. А что же происходит, когда духовное изгоняется из жизни? Мирское становится слабым, убогим, подчас карикатурным. И чем больше напрягаются люди, чтобы умножить свою силу, не имея связи с Божественной благодатью и с духом, тем более тщетными кажутся их усилия.

История нашего Отечества в XX в. является ярким примером того, как самые мощные человеческие усилия, осуществляемые вне связи с Богом, разрушаются подобно Вавилонской башне. Поэтому, может быть, самый главный урок, который преподает нам преподобный Сергий, который преподает нам Святая Русь как немеркнущий, неумирающий идеал, — в том, чтобы мы сохраняли этот идеал, к нему устремлялись, а на пути к этому идеалу делали все возможное для того, чтобы жизнь наша становилась чище, светлее, справедливее, чтобы народ наш обрел единство, духовную силу и способность решать все проблемы, которые встанут на его историческом пути. Все это возможно с Богом. И преподобный Сергий, к которому мы в таком множестве пришли сегодня в обитель, учит нас этому. Не забудем его великого и спасительного урока» [*Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в день памяти преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре. 18.07.2014.* — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://moskva.bezformata.ru/listnews/svyatejshego-patriarha-kirilla-v-den/22202225/>, свободный. — Загл. с экрана. — Рус. яз.].

ОБРАЗ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX–XXI ВВ.

Завьялова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

В статье анализируются поэтические произведения современных российских авторов, которые посвящены монаху Сергию Радонежскому, причисленному Русской Церковью к лику святых. Подробно рассматриваются тексты С.М. Соловьёва, Ю.П. Кузнецова, О.А. Седаковой, Т.А. Шорьгиной, С.О. Никулиной, В.В. Афанасьева – на ритмическом, фонологическом, лексическом, синтаксическом, тропеическом, образном, идейно-композиционном уровнях. Помимо этого для сопоставления привлекаются и другие материалы, например, менее известные стихотворения – В.Н. Афанасьева, Н.В. Карташовой, Н.Д. Сауриной, В.В. Федосеева, Л.И. Кузнецовой-Гороховой и др. Цель работы – выявление общего и индивидуального в созданных портретах преподобного. Устанавливается, какие источники более других повлияли на написание новых вариантов прочтения истории (житие Епифания Премудрого, беллетризованный вариант агиографии Б.К. Зайцева, живописные полотна М.В. Нестерова). Перечисляется, какие мотивы доминируют в произведениях. Определяется, какие эпизоды из биографии Сергия чаще других воспроизводятся в стихотворениях, балладах, легендах и поэмах. Поясняется, какие элементы в пейзажных зарисовках, сопровождающих повествование, являются наиболее частотными и продуктивными в плане символического раскрытия темы. В итоге автор статьи приходит к выводу, что фактически все поэты главными чертами личности Радонежского называют кротость, духовную ясность, простоту, свободолюбие. Для них Сергий в первую очередь – воплощение национального нравственного идеала.

Ключевые слова: образ Сергия Радонежского, российская поэзия, воплощение, биография, портрет, пейзаж, мотив, символ, идеал

**THE IMAGE OF ST. SERGIUS OF RADONEZH
IN RUSSIAN POETRY OF THE XX–XXI CENTURIES**

Zavyalova Yelena Yevgenevna, D.Sc. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: kafruslit@mail.ru

The article analyzes the poetic works of contemporary Russian writers, that are devoted to the monk Sergei of Radonezh, whose Russian Church canonized. Texts of S.M. Soloviev, Y.P. Kuznetsov, O.A. Sedakova, T.A. Shorygina, S.O. Nikulina, V.V. Afanasyev are analyzed in detail – on a rhythmic, phonological, lexical, syntactic, trope, figurative, ideological and compositional levels. In addition for comparing to this purpose and other materials, for example, less known poems – of V.N. Afanasyev, N.V. Kartashova, N.D. Saurina, V.V. Fedoseyev, L.I. Kuznetsova-Gorokhova and other. The aim of the research was to reveal the General and individual in the created portraits of the venerable. Is established, which sources other more influenced the writing of new variants of reading of story (The Life, written by Epiphanius the Wise, fictionalized version of hagiography, written B.K. Zaitsev, beautiful picture, painted M.V. Nesterov). Transferred, what motives are dominant in the works. Define the episodes from the biography of St. Sergius most often reproduced in ballads, legends and poems. Explains what elements in the landscape sketches, which accompany the narrative, are the most frequent and productive in terms of the symbolic disclosure of theme. In the end, the author comes to the conclusion that, in fact, all poets called meekness, spiritual clarity, simplicity, love of freedom main personality traits of Sergius. For them Sergei of Radonezh in first of all is the embodiment of national moral ideal.

Key words: image of St. Sergius of Radonezh, Russian poetry, personalization, biography, portrait, landscape, motive, character, ideal

Подробности биографии Сергия Радонежского стали известны благодаря находившемуся под его началом иноку Епифанию Премудрому, который собирал материалы для жития четверть столетия и на основе документальных данных, собственноручно сделанных записей, рассказов очевидцев закончил свой труд около 1417–1418 гг. [10, с. 89]. Житие не дошло до нас в первоначальном виде [5, с. 570]. Рукопись перерабатывалась афонским монахом Пахоимом Логофетом (после 1452 г.); в XVII в. – Германом Тулуповым, Симоном Азарьиным, Дмитрием Ростовским. В XVIII–XIX столетиях круг интерпретаторов этого преподобнического текста существенно расширился, включив известных государственных деятелей – вплоть до Екатерины II.

В конце XIX – первой трети XX вв. к комментированию «Жития Сергия Радонежского» обращались такие историки, как Василий Осипович Ключевский, Евгений Евсигнеевич Голубинский, Георгий Петрович Федотов. В 1925 г. писателем-эмигрантом Борисом Константиновичем Зайцевым был написан беллетризованный вариант агиографии. С середины XX в. русский святой стал героем художественной прозы – в рассказах, повестях, романах Сергея Петровича Бородина, Ивана Сергеевича Шмелёва, Дмитрия Михайловича Балашова, Андрея Валентинова (А.В. Шмалько) и др.

Сложно переоценить значение труда Епифания Премудрого – и как первоисточника сведений об основателе Троицкого монастыря, и как одного из лучших древнерусских памятников агиографической литературы. Помимо него, к произведениям, вдохновляющих художников на создание всё новых вариантов прочтения истории об отроке Варфоломее, необходимо отнести упомянутое выше зайцевское переложение «Преподобный Сергей Радонежский»: в нём верно отображаются все основные моменты повествования, благоговейный настрой сообщает произведению дополнительную ценность – и при этом текст понятен самому широкому кругу читателей. Следует упомянуть также ряд живо-

писных работ Михаила Васильевича Нестерова (15 больших картин). Полотна «сергиевского» цикла передают «историчность» абрамцевских пейзажей и особенности устройства быта подвижников [29, с. 276], воссоздают облик угодника и – что самое важное – заставляют размышлять о тайнах духовного созерцания.

Все поэты, о которых ниже пойдёт речь, активно используют названные культурно-семиотические ориентиры. При этом они обращают внимание на разные эпизоды жизни святого. Каждый находит в насыщенной событиями биографии подвижника что-то близкое – сообразно своим настроениям и мировосприятию.

Так, **Сергей Михайлович Соловьёв**, причисляемый к кругу младших символистов, останавливает своё внимание на будничных заботах героя. В стихотворении «Сергий Радонежский» [26, с. 278] (кстати, не единственном произведении поэта, посвящённом этому святому) изображается, как юноша в одиночку строит обитель. Не упоминается ни о каких чудесах, связанных с деяниями отшельника. Но изысканная форма произведения, особый характер описаний, торжественно-радостное настроение свидетельствуют о наличии имплицитно заложенного мистического смысла.

Повествование ведётся от лица Сергия. Он весь день работает, не выпуская из рук пилы, а с наступлением вечера принимается усердно молиться. Об отношении отшельника к себе самому и к уготованному жребию свидетельствуют слова «простой чернец», «вдали соблазнов суетного мира». Заметим: величайшая простота является тем качеством, которое отмечают в характере схимника практически все поэты.

«Вечерняя стихира», то есть хвалебная песнь, адресована Богоматери. Б.К. Зайцев пишет о существовании в духовной жизни Радонежского культа Жены, присущего средневековому человеку. С этим культом коррелирует и поклонение Вечной Женственности, являющееся важной составной частью концепции младосимволистов. Мифологема *ewige Weiblichkeit* (Вечная Женственность) была воспринята В.С. Соловьёвым, дядей поэта, через учение о Софии Платона, труды Гёте. В родстве с другой немецкой мифологемой, *Weltseele* (Мировой Душой) Шеллинга, она «сыграла особо значимую роль в гендерном дискурсе... русских символистов» [12, с. 438]. А. Белый писал: «...в январе 1901 г. заложена опасная в нас “мистическая” петарда, породившая столькие кривотолки о “Прекрасной Даме”; <...> Боря Бугаев и Сережа Соловьёв, влюблённые в светскую львицу и в арсеньевскую гимназистку, плюс Саша Блок... записали “мистические” стихи и почувствовали интерес к любовной поэзии Гёте, Лермонтова, Петрарки, Данте» [3, с. 465]. Последние строки анализируемого нами стихотворения («Пречистая! склонившись к аналою, / К тебе взывает юноша-монах») не оставляют сомнения в гендерной подоплёке текста. А жанр сонета обращает к первоисточкам: в этой поэтической форме увековечен образ Прекрасной Дамы.

Примечательно, что лес в стихотворении С.М. Соловьёва предстаёт в виде собора: этот «храм наполнен мёдом и смолою», а луга поблизости «сияют ризой изумрудной». Детали церковного быта проступают сквозь пейзажные зарисовки: аналой (стол, на который кладутся богослужебные книги и иконы), фелонь (риза), ладан. Рассматривая природу ассоциативных связей, лежащих в основе указанных метафорических переносов, можно выделить сразу несколько оснований. Во-первых, почитание священных деревьев связано с языческим растительным культом. Во-вторых, символика леса соотносится с женским началом, налицо гендерный аспект локуса. В-третьих, лесное уединение очень напоминает инициацию, в ходе которойхождение за пределами «своей» территории воспринимается как пребывание на «том» свете [16, с. 544]. И, наконец, несомненно воздействие традиции аскетического молчаливства, исихазма [19, с. 125], в православном монашестве зачастую проявляющей себя как «лесное безмолвие».

Упомянутые С.М. Соловьёвым реалии природного мира дополняют зарисовку, делая её более правдивой и сообщая достоверность изображаемой фигуре. Между тем, каждый из введённых в структуру художественного мира произведения образов несёт глубокую смысловую нагрузку. В частности, сосна символизирует прямоту, силу ха-

рактера, непоколебимость, молчание и уединение [17, с. 349]. Названные качества в полной мере можно соотнести с кротостью, немногословностью и свободолюбием подвижника. Древесная смола, как правило, связывается с мотивом бессмертия, пчела олицетворяет трудолюбие, чистоту, целомудрие, а земляника является знаком совершенной праведности (в одеянии, украшенном веточками земляники, изображали Мадонну). То есть практически все образы, упомянутые в стихотворении, на символическом уровне соотносятся с чертами характера его главного героя, Сергия.

Произведение С.М. Соловьёва включено в цикл «Лира венков» и написано в строгой форме. Классический сонет состоит из 14-ти строк, последовательность развёртывания мысли подчинена в нём жёстким стилистическим законам. В эпоху Средневековья считалось, что катрены символизируют четыре стихии мира (землю, воду, огонь и воздух). Образы, фигурирующие в «Сергии Радонежском», можно разделить на четыре группы, соответствующие этим стихиям: 1) луга, цветы, земляника; 2) сырость; 3) «зажигающая» стволы заря, тлеющий ладан; 4) туманная мгла, запахи смолы и мёда, пчела. По тем же канонам терцины сонета воплощают идею духовного триединства (Святого Духа, Бога-Отца, Бога-сына). Мысль об особенном почитании Сергием Святой Троицы неоднократно высказывалась исследователями [13, 28, 30].

На уравновешенность целого в сонетной форме, диалектически напряжённого, идейно заострённого, влияет также изощрённая рифмовка (*абба абба ввг ддг*). Добавим к этому изысканную звуковую инструментовку, помогающую добиться плавного перетекания одной темы в другую. «Трудовая» часть стихотворения строится на повторе громкого *р*; «молитвенная» содержит большое количество звонкого вибрирующего *з* и следующих за ним «ночных» шипящих; представляющие музыкальные тона сонорные *л, м, н* передают гармонический настрой лирического героя:

Весь деНь из **р**ук Не выпускав пи**Л**ы,
 Вда**Л**и соблаз**Н**ов сует**Н**ого **М**ира,
 Пр**о**стой чер**н**ец, без **ц**еркви и без **к**Лира,
 Мо**Л**юсь в Лесу, среди ту**М**ан**Н**ой Мг**Л**ы.

Зар**я** За**ж**ег**Л**а сос**Н**овые ст**в**о**Л**ы,
 За**п**а**х**Ло Зе**М**Л**я**Никой; ста**Л**о сы**р**о...
 З**в**учи, З**в**учи, вечер**Н**ая стих**и**ра
 Под тихое *жу**ж**жа*НИЕ пч**е**Лы.

Вет**х**а фе**Л**о**Н**ь, ч**у**ть т**л**еет Ла**д**а**Н** ску**д**Н**ы**й.
 Вда**Л**и сияют **р**и**з**ой и**з**ум**р**уд**Н**ой
 Луга в благоуха**ю**щих **ц**вета**х**,

Мой **х**рам На**п**о**л**Н**е**н М**е**до**М** и с**М**о**Л**ою.
 Пр**е**ч**и**стая! ск**Л**о**Н**ив**и**сь к а**Н**а**Л**ою,
 К тебе **в**з**ы**вает ю**Н**о**ш**а-Мо**Н**а**х**.

Таблица 1

Звуковые сочетания в стихотворении С.М. Соловьёва

номер строфы			
I	II	III	IV
н р н л	з р з л н л	х л н ч л л л л	м х р н л н н м м л л
л н н м р	з х л з м л н л р	л р з з р н	р ч л н ш н л
р р н р л р	з ч з ч ч р н х р	л х щ х х	з н ш м н х
м л л р м н м л	х ж ж н ч л		

Мы полагаем, что стихотворение С.М. Соловьёва является одним из самых совершенных в художественном отношении произведений, посвящённых Сергию Радо-

нежскому. При том что, как указывалось выше, никаких чудесных событий в нём не описывается, количество художественных деталей невелико, а интонации сдержанны.

Перейдем к рассмотрению текстов, более открыто выявляющих авторские интенции. Таково «Сказание о Сергии Радонежском» [15, с. 7] **Юрия Поликарповича Кузнецова**. В основу стихотворения, по словам Н.Ф. Дмитриева, положена взятая из летописного источника легенда [9, с. 164]. Обозначенный в названии жанр – «сказание» – указывает на повествовательно-житийный характер произведения, наличие исторических и вымышленных материалов. Ю.П. Кузнецов обращается к событиям, связанным с татаро-монгольским нашествием: Кирилл и Мария Радонежские попадают в плен, муж обвинён в присваивании богатств, принадлежащих Орде. Эпизод противоречит историческим фактам: на самом деле отец Сергия, служа в боярах у ростовских князей Константина II Борисовича и Константина III Васильевича, неоднократно сопровождал их в свите в Золотую Орду; ни о каком навете и тем более пленении не могло идти и речи.

Далее в стихотворении передаются сожаления Кирилла по поводу того, что ему не суждено дожить до появления на свет сына. В ответ темник (военачальник) приказывает «вырезать плод» «из тяжкой боярыни», издевательски прибавляя, что тот «доспел на солнце». Страшное появление на свет отрока знаменуется чудесным сиянием. «Ни рано, ни поздно приходит герой. / До срока рождается только святой», – поясняет рассказчик. Согласно историческим источникам, Кирилл и Мария Радонежские приняли постриг в Хотьковском Покровском монастыре, где и умерли в 1337 г. (во всяком случае, не позднее 1339 г.), когда Сергию было около 24 лет. Учитывая образование и сферу интересов Ю.П. Кузнецова, можно с полным основанием утверждать, что эти данные были отлично ему известны. Соответственно, обращение к сюжету, нарушающему правду исторически-конкретной действительности, вполне осознанно.

Мы согласны с мнением П.А. Косыревой, указывающей, что отличительными признаками творческой манеры поэта являются «неограниченная степень свободы, демонизм и мифологизм» [14, с. 93]. Ряд картин «Предания» явно навеян Апокалипсисом: «неведомый», «неистовый гул», «меркнущая луна», «трясущиеся деревья», «туманный огонь», фантазмагорический полёт оконной рамы, крест от которой осеняет поля, и всадник на белом коне, несущийся, «земли не касаясь, с звездой наравне...» (ср.: «...кони белые, и на нём всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить» [Откр. 6: 2]).

Трижды называемые в свите страшного седока «вороны-волки» отсылают к народным представлениям, в которых эти птица и зверь сближаются, поскольку оба отличаются особой хищностью, кровожадностью, связаны с миром мёртвых и с преисподней [8, с. 434–435]. Ю.П. Кузнецов пишет: «Угнёшься от ворона, волк разорвёт». Любопытно, что волчья стая в далёком прошлом называлась у славян «ордой» [7, с. 411], а десять миллионов в древнерусской системе счёта обозначались термином «ворон». Ещё более древнее происхождение имеет упоминаемый поэтом двоичный код, определяющий строение архаических обрядов и мифов [11, с. 6]: «Храни тебя чёт, коли ты не свернул / В терновник, заслышав неистовый гул, / Храни тебя нечет!».

Перечисленные детали призваны достоверно и выразительно обрисовать жуткую картину вражеского нашествия и не имеют прямого отношения к фигуре святого. Как ни удивительно, единственная «портретная» деталь, если таковой можно считать весьма абстрактное художественное сравнение, отмечается темником. Увидев младенца, военачальник восклицает, что сын Кирилла «похож на зарю / И славу Батюя!» Вполне убедительно звучание имени знаменитого монгольского полководца из уст его почитателя; восторженность, выказываемая врагом при созерцании ребёнка, подчеркивает чудесность происходящего. Заря ассоциируется с пробуждением, началом, непорочностью, а также с надеждой, спасением, победой – фактически темник вещает о поражении ордынцев. За прямой речью следует вывод самого повествователя: «Так Сергей возник предрассветным плодом / Народного духа...». Появление отрока на свет соот-

носятся с пробуждением русского национального самосознания. Подчеркнём, что этот мотив присутствует в большинстве стихотворений и поэм о святом.

«Прозрение» [32, с. 64] **Татьяны Андреевны Шорыгиной** – ещё одно произведение о Сергии, основанное на неканоническом сюжете. Текст имеет два подзаголовка: «Рассказ византийского епископа» и «Баллада». Некий византийский священнослужитель решает отправиться в «далёкий путь» в «загадочную Россию», чтобы посмотреть на легендарного святого, слух о котором распространился по всей Восточной Римской империи.

«Классическому» русскому пейзажу с «лесной чащобой», «топями», «хмурым небом» и почерневшими избами противопоставляются «лазурь и солнце Византии», «белый мрамор храмов и дворцов». Епископ сталкивается с привычными для западных путешественников трудностями:

Раскисла грязь, колеса вязнут,
И серой, мутною стеной
Без роздыха льёт ливень проливной,
Продрогли до костей дубы и вязы.
О Господи! Как я себя кляню!
Зачем приехал в дикую страну?..

Далее, в соответствии с законами символического пространства, отмечаются изменения окружающей обстановки: дорога устремляется вверх («стала круче», «на небольшом холме»), ненастье прекращается («Заголубела, осветлилась просинь, / А шум дождя стал отдалённой, глуше»). В сакральном месте – недалеко от «деревянной обители», возле родника – епископ видит Сергия. Портрет святого явно навеян иконографической традицией:

От рук его, от глаз и от волос
Лучилось светлым облаком сиянье,
Как будто золото на землю пролилось.

Вслед за описанием старца следует рассказ о чуде – кульминационный момент произведения, доказывающий его близость к жанру легенды [25, с. 252]. Путник из Византии не может выдержать яркого сияния, исходящего от Сергия, и слепнет. Преподобный проявляет заботу о своём госте, помогает ему добраться до кельи, творит молитву и возлагает на глаза священника свои руки, после чего тот успешно прозревает. Мнение епископа о России, взгляд на окружающее волшебным образом меняются на противоположные:

Прости же, Сергий, мне мое неверье,
Мою гордыню и высокомерье,
И то, что землю я хулил твою...
А вот теперь её не узнаю:
Среди берез жемчужных, белоствольных
Святая Русь раскинулась привольно!

Реакция святого на слова византийского странника являет собой пример смиренности и кротости: у Сергия появляются слёзы.

Как и Ю.П. Кузнецов, Т.А. Шорыгина обращается к сюжету, не имеющему под собой достаточного исторического основания. Вследствие этого она получает возможность более тщательно проработать детали повествования, ввести развёрнутые описания, добиться многообразия в палитре чувственно-эмоционального фона произведения. Органично включение традиционных для жанра христианской легенды элементов (проблематика, образы, символика). Мотивы чудесного ослепления (следствие нарушения имплицитного табу) и последующего прозрения широко распространены в фольклоре и литературе разных культур [33, с. 54]. Они весьма удачно вписываются в сакральный контекст стихотворения. Христианская агиография в целом характеризуется стереотипизованностью, ориентированностью «не на творение и изменение, а на повторение и воспроизведение» [4, с. 160].

Судя по всему, Т.А. Шорыгина положила в основу своей «баллады» историю из «Деяний святых апостолов». В книге Нового Завета рассказывается, как Савл (более известный под именем апостола Павла) отправился в Дамаск, чтобы арестовывать там приверженцев христианства, но по дороге увидел сияние, нисходящее с неба, и услышал укоряющий глас Иисуса. Упавший ниц юноша поднялся уже незрячим: «Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел. И повели его за руки, и привели в Дамаск» [Деян 9: 8]. Три дня он провёл в посте, утвердился в вере, принял крещение от Анании (христианина, ставшего впоследствии епископом Дамасским). Новозаветное описание чуда прозрения очень напоминает строки из стихотворения Т.А. Шорыгиной, вплоть до лексических совпадений. Ср.:

Таблица 2

Сравнение описания чуда в Новом Завете и балладе Т.А. Шорыгиной

«Деяния святых апостолов»	«Рассказ византийского епископа»
<p>«Анания пошел и вошел в дом и, возложив на него руки, сказал: брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святаго Духа.</p> <p>И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился» [Деян 9: 17–18].</p>	<p>Мне преподобный Сергей подал руку И в келью ввел. Я замер чуть живой. Молитву тихо прошептал святой И возложил мне руки на глаза, И словно с них отпала чешуя – И Божий мир увидел снова я!</p>

Краткосрочность наказания византийского епископа из произведения современной поэтессы обуславливается незначительностью его вины и милосердием старца.

Помимо христианской легенды в произведении Т.А. Шорыгиной можно усмотреть черты жанров миракля (описания чудес, явленных почитаемыми святынями) и хождения (путевых записок, в которых путешественники передавали свои впечатления от посещения иностранных земель). Авторский подзаголовок «баллада» оправдан повествовательным мотивом с рассказом о чудесном, исторической тематикой, диалогической композицией, индивидуализированностью героев и эмоциональностью лирического освещения событий.

Одним из самых оригинальных текстов о Сергии Радонежском является стихотворение **Ольги Александровны Седаковой**. Манера написания у этой поэтессы столь сложна и неоднозначна, стилистические регистры до того многообразны, что исследователи до сих пор расходятся в определении сущности авторской художественной системы, предлагая термины «метафизическая» [1, с. 10], «метареалистическая» [34, с. 160–163] и даже «мистериальная» [31, с. 110] поэзия.

Интересующий нас текст – «Легенда двенадцатая» [23, с. 208] из цикла «Легенды и фантазии». «Уже не оставалось никого...» – так начинается стихотворение, и в повествование без предисловий входит тема брэнности, смерти, столь характерная для творчества О.А. Седаковой. Далее одна за другой следуют картины, связанные с эпизодами биографии Сергия Радонежского, каждая из которых знаменует определённый этап его жизни.

...ни мальчика, глядящего на воду,
 когда другие мальчики играют,
 и видящего странные растенья,
 которым подходили имена,
 похожие на дым по воскресеньям:
 смоковницы, маслины, вайи...

Рисуется традиционный для житийной литературы образ «странного» отрока, уклоняющегося от обычных детских забав и способного видеть то, что недоступно другим людям. Но показывается эта странность весьма неординарно: исконный смысл обретает известное выражение «как в воду глядел». Вода издавна осмыслива-

лась в качестве границы двух миров, среды обитания духов, способных предсказать будущее [6, с. 389]. В таинственных отражениях мальчик «угадывает» названия самых распространённых библейских растений и сравнивает эти названия с «дымом по воскресеньям» (по всей вероятности, имеется в виду церковное воскурение благовоний). Удивительным растениям подходят экзотические наименования, это вполне объяснимо. Названия из Священного писания наводят на мысль о церковном богослужении, что также понятно. Ассоциативная цепочка, возникающая у мальчика, свидетельствует о его сосредоточенности на религиозных идеях, образах, чувствах. Отдельные моменты можно растолковать с точки зрения психологии, но сплетение всех «наитий» отрока представляется умонепостижимым.

Затем речь ведётся о благодушии и проницательности Сергия-юноши («был, как слух, / и шёл, и шёл, опережая просьбу»), об аскетизме и самоотверженности Сергия-мужа (делил «последний хлеб» с медведем, в одиночку возводил стены церкви), о праведности и благочестии Сергия-старца («о котором говорили, / что ангелы беседуют при нём»). Подчеркнём, что О.А. Седакова достаточно осторожно подходит к проблеме христианских чудес: всё сверхъестественное фактически остаётся за пределами повествования, о нём рассуждают *другие*. Уровень семантической перцептивности снижается также путём построения конструкции усиленного отрицания с повторяющимися элементами: «Уже не оставалось никого: / ни мальчика <...>, ни юноши <...>, ни мужа <...>, ни старца...». С одной стороны, указанный приём определён авторской установкой на показ исключительного персонажа (цикл «легенд»), настойчивое отрицание помогает предельно размыть контуры действительности, преодолеть шаблонность хроникального повествования. С другой – дискретность рисунка подчёркивает многоликость и вневременность образа героя.

Стихотворение «Сергий Радонежский» имеет сложную композицию. Проведя читателя сквозь чреду картин, воспроизведённых с помощью сходных синтаксических конструкций, О.А. Седакова вновь повторяет первую фразу, а потом обозначает два темпоральных полюса:

Итак, не оставалось никого.
Ни прошлого наставника монахов,
учителя мужающей земли,
ни будущего, перед кем мы сложим
тяжелые дела свои...

Если уход «наставника монахов» из бренного мира осознаётся как историческая данность, то несуществование святого в будущем – того, перед кем людям предстоит держать ответ за земные деяния после смерти – воспринимается как антиномия или даже святотатство. Между тем, с философской точки зрения, будущее, действительно, ирреально, поскольку его нет. Тема парадоксальности развивается и ниже:

Душа похожа на
широкий круг глядящих на событие:
оно идёт, оно ещё в слезах –
и в первом счастье, требующем счастья,
оно уходит. Это как цветок.
И кто его возьмет, когда не ты,
к твоим цветам, стоящим на коленях? –
проси за нас.

Но в этот поздний час
уже не оставалось никого.

По народным представлениям, душа похожа на светящееся облако, воздушный пузырь [27, с. 165] (т.е. нечто шарообразное); её маршруты перемещения после смерти составляют вращательные движения: вокруг покинутого тела, дома, кладбища – всё по концентрическим окружностям [27, с. 164]. Ту же форму чаще всего имеет цветок; визуализация души в его образе, хоть и редко, но также встречается в древ-

них верованиях [27, с. 166]. Получается, что тройное сравнение в стихотворении (душа как круг, круг как цветок, цветок как человек) имеет мифологическую подоплёку, хотя, на первый взгляд, выглядит достаточно неожиданным.

Пристального внимания заслуживает постоянное перемещение в отрывке «точки отсчёта». Сравнение души с кругом предполагает отстранённость наблюдателя. Упоминание о «глядящих на событие» меняет ракурс и акцентирует внимание на устремлённости субъектов к центру (фокус при этом смещается). Потом сообщается, что «событие» уходит; остаётся непонятым, как можно выйти, находясь внутри круга. Образ цветка даётся крупным планом. Но сразу после этого читателю открывается почти космическое зрелище: люди-цветы, фактически – сыны земли, стоят перед Сергием Радонежским на коленях. И тут же очередное отрицание всего, о чём только что велась речь: «Но в этот поздний час / уже не оставалось никого». Сложный метафорический рисунок позволяет представить картину «изнутри» и «снаружи», ощутить многочисленные границы и в то же время преодолеть их. Изошрённость письма в «Сергии Радонежском» напоминает модный в наше время стиль песочной анимации (Sand animation), когда художник наносит тонкими слоями песок на подсвеченное стекло. Одно изображение переходит в другое, часть рисунка причудливым образом становится элементом следующего изображения, а динамическое перевоплощение периодически сменяется «разрушением»: исполнитель разравнивает песок и начинает творить снова.

Поэтесса вновь ведёт речь о возникновении и исчезновении, о начале и конце всего сущего, причём делается это одновременно на нескольких уровнях художественного текста. Концентрические окружности множатся. Их центр – та самая точка отсчёта, высшая сущность, о которой рассуждает автор стихотворения. Неустойчивость пространственных и временных границ, постоянная смена ракурса, зыбкость описаний – всё это позволяет согласиться с мнением М.Н. Эпштейна, указавшего на присутствие в поэзии О.А. Седаковой реализма многих реальностей, «связанных непрерывностью внутренних переходов и взаимопревращений» [34, с. 160].

Далее на смену изошрённому коллажу из метаморфоз неожиданно приходит среднерусский пейзаж, реалистический, последовательно отсылающий к зрительным, звуковым и даже вкусовым ощущениям: «хвойный лес, и папоротник, и хвощ, / и птичий крик, и горькие кусты, / и воздух деревянный, как лучина...». Меняется модальность: описываются объекты, явления, которые на самом деле «были». Читатель как будто наконец-то обретает твёрдую почву под ногами, «метAPERспективе» уступает место достоверное изображение действительности. Но... идёт по лесу «кто-то», кланяется «тому, что в сердце у него сбылось» (что сбылось – не поясняется).

Идею произведения окончательно разъясняют последние строки:

И тот, кого уже не оставалось,
кто был уже ненастье, хвойный лес,
и вздрагивающий, и ждущий воздух,
кто был глубокий искренний амбар
таинственного северного хлеба, –

спокойно опустился на колени
перед поклоном

и остался виден

издалека, и всюду, и внутри.

Образ Сергия вбирает в себя множество составляющих: ненастье, с которым так часто ассоциируется российский климат, хвойный лес, олицетворяющий северную природу, хлеб, главный евхаристический символ. В ответ на поклон старец опускается на колени: его кротость отмечалась и другими поэтами (см. выше). В интерпретации О.А. Седаковой святой виден – «издалека», потому что человек в состоянии прозревать будущее; «всюду», вне зависимости от местонахождения и условностей; «внутри».

Обычно качествами неизмеримости, беспредельности и всеприсутствия наделяется Бог: «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо, Ты там; сойду ли в преисподнюю, и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря; и там рука Твоя поведет меня» [Пс 138: 7–10]. В стихотворении «Легенда двенадцатая» божественными атрибутами наделяется подвижник земли Русской.

Для полноты картины к вышеупомянутым произведениям необходимо добавить ещё несколько. **Софья Олеговна Никулина**, современный автор-исполнитель православных песен, подробно освещает этапы биографии Сергия Радонежского в своем сборнике духовных стихов для подрастающего поколения «Игумен земли русской» [20, с. 8–24]. Ориентированность на детскую аудиторию определяет простоту слога и дидактическую направленность произведения (см., например: «Своих родителей седины / Сын возмужавший уважал»). Любопытно, что в произведении прослеживается судьба *трёх* сыновей («В семье боярина Кирилла, / Благочестивого отца, / Три сына, как известно, было...»; «Лишь только брата два женились...», «Стефана-брата убеждает / Он навсегда оставить свет»). Думается, в данном случае можно говорить о влиянии традиций волшебной сказки, столь знакомой потенциальному читателю сборника (В.Я. Пропп пишет: «...жил мужик с тремя сыновьями, или царь с дочерью, или три брата, – одним словом, сказка вводит какую-нибудь семью» [21, с. 21]).

По тем же причинам С.О. Никулина выбирает яркие и «понятные» эпизоды из биографии Радонежского, которые легче воспринимаются неискушённой аудиторией: рассказывается, как Сергий (Варфоломей) овладел грамотой, отыскал родник, «накормил» монастырскую братию. Снова появляется мотив, характерный для волшебной сказки: возникает ситуация нехватки, недостачи, к герою обращаются с просьбой («Как часто мы томимы жаждой, / Но далеко от нас вода»; «...все припасы / Закончились в монастыре. / Монахов жалобные гласы! / Ведь нет ни крохи на дворе») и святой помогает. Повествование С.О. Никулиной включает в себя также сюжеты о воскресении мальчика, о Куликовской битве (здесь появляется ещё одно фольклорное число: «Семь дней убитых хоронили / С залитых кровию холмов...»), о прилёте чудесных птиц и явлении Божьей Матери. Примечательно, что о смерти Радонежского не составляет отдельной темы в произведении С.О. Никулиной (в отличие от фольклорной сказки, в которой танатологическая тема является едва ли не основной), поэтесса сразу переходит к описанию лавры в наше время. Заключение состоит из назидательного напутствия читателю («Отчизна – мать, ее храни! / Молись за Русь!») и молитвы Сергию.

Ещё одно произведение, в котором подробно описываются этапы жизни Радонежского, это поэма Т.А. Шорыгиной «Оружие нетленное» [Шорыгина] (выше была проанализирована её баллада «Прозрение»). Отличительная особенность данного текста – большое количество пейзажных зарисовок, придающих повествованию особую выразительность и несущих высокую смысловую нагрузку. С описания природы – в разные времена года – начинаются многие главки поэмы. Возведение церкви (весна), Куликовская битва (осень), посещение рассказчицей лавры (зима) и т.п. Примечателен, например, пейзаж из первой части:

И сам он [Сергий] – воплощение весны.
Зелёный березняк его объемлет.
Туман стекает каплями с сосны.
И молоком парным питает землю.
Скользят по веткам солнечные блики...
А там, на взгорье, за его спиной
Леса встают стеною крепостной
И ели грозно тянут в небо пики.

Берёзовая роща – символ весны, чистоты, России. Образ сосны, как уже было указано ранее, отражает особенности характера святого: прямооту, твёрдость, независимость. «Молоко», питающее землю, знак возрождения. И, наконец, «грозные пики»

елей «за спиной» Сергия – это, видимо, та рать, которая встанет на защиту родины, вдохновлённая вещими словами подвижника.

В начало части, посвящённой посещению Сергия Радонежского Дмитрием Донским, Т.А. Шорыгина включает следующий пейзаж:

Над светлою широкой луговиной
Вставали сосен богатырских кряжи,
И, словно Богородицина пряжа,
На солнце золотилась паутина.
Прохладный свет струился между сосен,
В полях уже брела монашка-осень.

В очередной раз вводится образ сосен – только теперь кряжистых, т.е. приземистых, крепких, «богатырских» (отсылка к теме русского воинства). Упоминание о *широкой* луговине, полях акцентирует энтропическую составляющую ландшафта, выравненность, протяженность, характерные для национального пейзажа. Богородицина пряжа – это тенётник, летающий по воздуху осенью. Но в контексте произведения, посвящённого Сергию, этот образ обретает особую значимость, если иметь в виду сведения о покровительстве Богородицы монастырю Радонежского. Описания природы, благодаря ряду нюансов (золото, струящийся свет, антропоморфное олицетворение «монашка-осень»), обретают религиозный подтекст. Как и при анализе стихотворения С.М. Соловьёва, образ одухотворённой природы позволяет вести речь о мифологеме «лес-храм».

Сходный приём использует и **Виктор Васильевич Афанасьев** (монах Лазарь). В произведении «Игумен земли русской. Похвала преподобному Сергию» [18, с. 78] автор очень подробно воспроизводит эпизоды, касающиеся детства Варфоломея. В их основу явно положен труд Епифания Премудрого (об этом свидетельствует ряд частных, которых нет в остальных источниках). С другой стороны, «Похвала...» является одним из текстов, на которые особенно сильно повлияла живопись М.В. Нестерова. «Зелёный блеск травинки; / Сухого дня покой... / Молился Ангел-инок / У дуба над рекой. // Бог весть откуда взялся / В пустынном месте том. / Он был в широкой рясе / И в кукле с крестом». На наш взгляд, это описание очень точно передаёт подробности картины «Видение отроку Варфоломею»: точно обозначено место событий (в агиографическом варианте и у Б.К. Зайцева река не упоминается), тщательно выписаны детали – например, стебельки на переднем плане холста, сходны штрихи в описании пресвитера и мальчика («Он был в широкой рясе / И в кукле с крестом», «В монашеском одеянье / Под деревом тот стоял...»; «Долго, как оцепенелый, / Белоголов и мал, / Отрок в рубахе белой / Молитве его внимал»).

Варьирующийся ритм придаёт тону повествования гибкость и динамичность. Трижды в текст вводится рефрен, который выполнен в форме акафистного хваления (стихи начинаются со слова «радуйся»). Встреча Сергия с черноризцем и будущие деяния Радонежского воспеваются «всем поднебесным царством»:

И река, блистающая лазоревым светом,
И жаворонок, с песней взвившийся в высь,
И бабочка, сидящая на листочке нагретом
В единой радости как бы слились;
Словами выразить этого не умея,
Всяк по-своему пели они:
«Радуйся, отроче Варфоломее,
Благословенны твои юные дни...»

Организирующим мотивом в этом идиллическом модусе художественности является органическая сопричастность бытию как целому. Лазурь, птица, бабочка символизируют душу, целомудренность, святость. Следующий рефрен звучит после того, как ангел-инок предстаёт перед родителями мальчика – Кириллом и Марией. Теперь гимн слышится из райских кущ:

Пока встреча эта творилась,
Ветерок облака за клубил, –
Небо снова как бы раскрылось,
Даль явив голубых глубин, –
Там крылатых существ паренье,
Ликование, райский свет,
И такое дивное пенье,
В нашем мире какого нет...

Оригинальность решения темпоральной организации произведения В.В. Афанасьева заключается в том, что после рассказа о встрече отрока и его родителей с ангелом-иноком, предсказаний старца, авторских рассуждений о будущем героев и небольшого исторического экскурса повествование вновь возвращается к точке отсчёта – моменту появления Варфоломея под дубом: «Он пока ещё отрок... Вот снова с уздечкой / Он идёт за конем, что пасется в лугах...». Третий и последний фрагмент «Радуйся...» снова звучит «из ниоткуда», голоса растворяются в зримой красоте природы, круг замыкается. Как и в стихотворении О.А. Седаковой, нарушение хронологии повествования придаёт ему надвременной, провиденциальный характер.

Большинство других современных авторов не останавливаются подробно на конкретных эпизодах биографии святого. Можно выделить несколько тем, чаще всего привлекающих поэтов.

1. Сергей как вдохновитель прошлых и будущих побед над врагами отчизны. Например, «Великому Святому России» [24, с. 13] **Владилена Валентиновича Федосеева** («Благословил ты нас на битву / Святым движением руки, / И Дмитрий, сотворив молитву, / На Дон повёл свои полки»; «Так где же, где тот князь-мессия, / Что подвиг давний повторит? / Глядит усталая Россия, / Глазами Сергея глядит...»); «Из венка Сергию Радонежскому» **Лилии Ивановны Кузнецовой-Гороховой** (Летней) («Русь моя. Монгольское отмщенье. / О, Сергей! Сергей, отзовись! / Во тьму ввергают новые срамные поколения...»). Эти стихотворения, как правило, носят национал-патриотический характер и подчас содержат весьма радикальные лозунги.

2. Сергей как ангел-хранитель России. Например, «Печальник Российской державы преподобный Сергей» игумена **Виссариона** (Остапенко) («просит, <...> / Чтобы Бог обратил россиян / На спасительный путь покаянья <...> / Чтобы Родина вновь обрела / Свою прежнюю к Небу дорогу»); «Радонеж» **Владимира Николаевича Афанасьева** («Молитвой он берёт Россию, / Народу русскому служил: / Духовную вливая силу, – / Отчеством чтоб дорожил...»), «Открытие памятника Сергию Радонежскому» **Анатолия Тихомирова** («...Светит духовного сердца звезда, / Радостью светится в поле берёзка. / Сергей пришёл навсегда!»).

3. Сергей как утешитель и наставник. Например, «Преподобный Сергей Радонежский» **О.К.** («Великое Сердце, скажи мне, какими путями / Достигнуть могу я Обители Света? / Я жажду узнать, хоть и скован земными цепями. / Скажи, научи, не оставь без ответа!»), «В день Сергея святого в октябре...» **Нины Васильевны Карташовой** («За эту руку сильную держась, / Не рассуждая, сердцем положась, / В освобожденной мудрой простоте / Я поднималась к светлой высоте»); «Троице-Сергиева Лавра» **Натальи Дмитриевны Сауриной** («Я к раке губами / и лбом прикасаюсь, / И новою силой / души наполняюсь»).

Проведённый анализ позволяет вести речь о многообразии форм воплощения образа Сергея Радонежского в современной поэзии. Политические стихи «на случай» и произведения, адресованные детской аудитории. Воплощённые в сонетах изящные пейзажи и написанные белым стихом гимны. Обширные поэмы, построенные по строгому хронологическому принципу, и изысканные зарисовки, живописующие смутные «прозрения» лирических героев. Излюбленными эпизодами легендарной биографии святого являются встреча отрока Варфоломея со старцем-монахом, лесное отшельничество Сергея и получение Дмитрием Донским благословения от Радонежского на ратный подвиг. Среди наиболее распространённых пейзажных образов, на фоне кото-

рых рисуется преподобный Сергей, следует перечислить высокое чистое небо, луг, сосны, берёзы, родник; все они получают в произведениях символическое толкование.

Образ самого Радонежского в проанализированных выше поэтических текстах значительно разнится. Святой то наделяется качествами доблести и непоколебимости, то представляется миротворцем. На первый план выходят то идеи праведничества и благочестия, то подвижничества и самоотверженности. Если попытаться нарисовать «универсальный» портрет героя, то качествами, о которых так или иначе ведут речь все перечисленные в настоящей статье поэты, будут кротость, духовная ясность, простота («простота без пестроты», как писал в своё время Епифаний Премудрый) и свободолюбие. В первую очередь Сергей для россиян – воплощение национального нравственного идеала.

Список литературы

1. Аверинцев С. «...Уже небо, а не озеро...»: риск и вызов метафизической поэзии / С. Аверинцев // Седакова О. Стихи. – Москва : N.F.Q. / Ту Принт, 2001. – С. 5–13.
2. Агапкина Т. А. Лес / Т. А. Агапкина // Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 тт. / Институт славяноведения и балканистики РАН. – Москва : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 97–100.
3. Бельй А. Начало века / А. Бельй. – Москва : Союзтеатр, 1990. – 528 с.
4. Берман Б. И. Читатель жития / Б. И. Берман // Художественный язык средневековья. – Москва : Наука, 1982. – С. 159–183.
5. Буланин Д. М. Житие Сергия Радонежского. Комментарии / Д. М. Буланин // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – Москва : Художественная литература, 1981. – С. 570–579.
6. Виноградова Л. Н. Вода / Л. Н. Виноградова // Славянские древности... – Москва : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 386–390.
7. Гура А. В. Волк / А. В. Гура // Славянские древности... – Москва : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 411–418.
8. Гура А. В. Ворон / А. В. Гура // Славянские древности... – Москва : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 434–438.
9. Дмитриев Н. Ф. «Я припел и ухожу один». К 60-летию Юрия Кузнецова / Н. Ф. Дмитриев // Москва. – 2001. – № 2. – С. 160–179.
10. Дробленкова Н. Ф. Епифаний Премудрый / Н. Ф. Дробленкова, Г. М. Прохоров // Труды Отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Наука, 1985. – Т. 40. – С. 77–91.
11. Иванов В. В. Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем / В. В. Иванов. – Москва : Советское радио, 1978. – 184 с.
12. Клинг О. Мифологема «Ewige Weiblichkeit» (Вечная Женственность) в гендерном дискурсе русских символистов и постсимволистов : пер. с англ. / О. Клинг ; пер. Г. Зверевой // Пол. Гендер. Культура: немецкие и русские исследования. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2009. – С. 438–452.
13. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Ленинград : Ленинградский государственный университет, 1989. – 295 с.
14. Косарева П. А. Великая Отечественная война в поэтическом сознании послевоенного поколения / П. А. Косарева. – Москва : Советский писатель, 1986. – 200 с.
15. Кузнецов Ю. П. Сказание о Сергии Радонежском: стихи / Ю. П. Кузнецов // Голос Родины. – 1991. – № 7. – С. 7.
16. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – Москва : Советская Энциклопедия, 1987. – Т. 1. А–К (Корейская мифология). – 720 с.
17. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – Москва : Советская Энциклопедия, 1988. – Т. 2. К (Корибанты) – Я. – 671 с.
18. Монах Лазарь (Афанасьев). Божия пристань / Афанасьев. – Москва : Сибирская Благовозвонница, 2011. – 312 с.
19. Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти / Л. Г. Невская // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян: сборник. – Москва : Индрик, 1999. – С. 123–134.
20. Никулина С. О. Игумен земли русской. Житие преподобного Сергия Радонежского в стихах / С. О. Никулина. – Рязань : Зерна, 2000. – 32 с.
21. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 2000. – 335 с.

22. Ранчин А. М. Тройные повторы в «Житии Сергия Радонежского» / А. М. Ранчин // Макарьевские чтения. Монастыри в России : материалы VII российской научной конференции. – Можайск, 2000. – С. 468–482.
23. Седакова О. Стихи / О. Седакова. – Москва : Эн Эф Кью / Ту Принт, 2001. – 576 с.
24. Сергей Радонежский – молитвенник земли Русской / В. Афанасьев. – Москва : Голос-Пресс, 2012. – 438 с.
25. Соколова В. К. О некоторых типах исторических преданий / В. К. Соколова // История, культура, фольклор и этнография славянских народов : VI Международный съезд славистов. – Москва : Наука, 1968. – С. 248–274.
26. Соловьёв С. М. Собрание стихотворений / С. М. Соловьёв. – Москва : Водолей Publishers, 2007. – 856 с.
27. Толстая С. М. Душа / С. М. Толстая // Славянские древности... – Москва : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 162–167.
28. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 902 с.
29. Федорец А. И. Образ Сергия Радонежского в живописи Михаила Васильевича Нестерова / А. И. Федорец // Наш современник. – 2012. – № 5. – С. 274–281.
30. Флоренский П. А. Троице-Сергиева Лавра и Россия в начале XX в. / П. А. Флоренский // Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. – Москва : Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 356–365.
31. Шевченко А. К. Письмо о смерти, любви и котенке / А. К. Шевченко // Философская и социологическая мысль. – 1989. – № 9. – С. 109–114.
32. Шорьгина Т. А. Час откровений: стихотворения и поэмы / Т. А. Шорьгина. – Москва : Гном и Д, 2000. – 140 с.
33. Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины) / С. А. Штырков. – Санкт-Петербург : Наука, 2012. – 228 с.
34. Эпштейн М. Парадоксы новизны / М. Эпштейн. – Москва : Советский писатель, 1988. – 414 с.

References

1. Averintsev S. «...Uzhe nebo, a ne ozero...»: risk i vyzov metafizicheskoy poezii ["... Even the sky, and not a lake ...": risk and challenge the metaphysical poetry]. *Sedakova O. Stikhi* [Sedakov O. Poems], Moscow, N.F.Q. / Tu Print Publ., 2001, pp. 5–13.
2. Agapkina T. A. Les [Forest]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar* [Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004, vol. 3, pp. 97–100.
3. Belyy A. *Nachalo veka* [Turn of the Century], Moscow, Soyuzteatr Publ., 1990. 528 p.
4. Berman B. I. Chitatel zhitiya [The reader lives]. *Khudozhestvennyy yazyk srednevekovya* [The artistic language of the Middle Ages], Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 159–183.
5. Bulanin D. M. Zhitie Sergiya Radonezhskogo. Kommentarii [Life of Sergius of Radonezh. Comments]. *Literary Monuments of Ancient Rus. XIV - the middle of the XV century* [Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIV – seredina XV veka], Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1981, pp. 570–579.
6. Vinogradova L. N. Voda [Water]. *Slavyanskije drevnosti...* [Slavic antiquities ...], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995, vol. 1, pp. 386–390.
7. Gura A. V. Volk [Wolf]. *Slavyanskije drevnosti...* [Slavic antiquities ...], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995, vol. 1, pp. 411–418.
8. Gura A. V. Voron [Raven]. *Slavyanskije drevnosti...* [Slavic antiquities ...], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995, vol. 1, pp. 434–438.
9. Dmitriev N. F. «Ya prishel i ukhozhu odin». K 60-letiyu Yuriya Kuznetsova ["I have come and go alone." On the 60th anniversary of Yuri Kuznetsov]. *Moskva* [Moscow], 2001, no. 2, pp. 160–179.
10. Droblenkova N. F., Prokhorov G. M. Yepifaniy Premudryy [Epiphanius the Wise]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of Division of Old Russian literature], Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 40, pp. 77–91.
11. Ivanov V. V. *Chet i nechet: asimmetriya mozga i znakovykh sistem* [Odd and Even: brain asymmetry and sign systems], Moscow, Sovetskoe radio Publ., 1978. 184 p.
12. Kling O. Mifologema «Ewige Weiblichkeit» (Vechnaya Zhenstvennost) v gendemom diskurse russkikh simvolistov i postsimvolistov [Mythologeme «Ewige Weiblichkeit» (Eternal Feminine) gender discourse Russian Symbolists and postsymbolists]. *Pol. Gender. Kultura: nemetskie i*

russkie issledovaniya [Sex. Gender. Culture: German and Russian studies], Moscow, Russian State University for the Humanities Publ. House, 2009, pp. 438–452.

13. Kolesov V. V. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [Old Russian literary language], Leningrad, Leningrad State University Publ. House, 1989. 295 p.

14. Kosareva P. A. *Velikaya Otechestvennaya vojna v poeticheskom soznanii poslevoennogo pokoleniya* [Great Patriotic War in the poetic consciousness of the postwar generation], Moscow, Sovetskiy pisatel, 1986. 200 p.

15. Kuznetsov Yu. P. Skazanie o Sergii Radonezhskom: stikhi [Legend of Sergius of Radonezh: poems]. *Golos Rodiny* [Voice of the Motherland], 1991, no. 7, pp. 7.

16. Tokarev S. A. (ed.) *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of nations of the world. Search], Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1987, vol. 1. A–K (Korean mythology). 720 p.

17. Tokarev S. A. (ed.) *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of nations of the world. Search], Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1988, vol. 2. K (Corybantes) – Ya. 671 p.

18. Monakh Lazar (Afanasev) *Bozhiya pristan* [God marina], Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2011. 312 p.

19. Nevskaya L. G. Molchanie kak atribut sfery smerti [Silence as an attribute of the scope of death]. *Mir zvuchashchiy i molchashchiy: semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kulture slavyan* [World sounding and silent: the semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs], Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 123–134.

20. Nikulina S. O. *Igumen zemli russkoy. Zhitie prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo v stikhakh* [Abbot of the Russian Land. The Life of St. Sergius of Radonezh in verse], Ryazan, Zerna Publ., 2000. 32 p.

21. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale], Moscow, Labirint Publ., 2000. 335 p.

22. Ranchin A. M. Troynye povtory v «Zhitii Sergiya Radonezhskogo» [The triplicate in "The Life of St. Sergius of Radonezh"]. *Makarevskie chteniya. Monastiri v Rossii: materialy VII rossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Makarevskiy reading. Monasteries in Russia. Proceedings of the VII Russian scientific conference], Mozhaysk, 2000, pp. 468–482.

23. Sedakova O. *Stikhi* [Poems], Moscow, En Ef Kyu / Tu Print Publ., 2001. 576 p.

24. Afanasev V. *Sergiy Radonezhskiy – molitvennik zemli Russkoy* [Sergius of Radonezh – prayer of the Russian land], Moscow, Golos-Press Publ., 2012. 438 p.

25. Sokolova V. K. O nekotorykh tipakh istoricheskikh predaniy [On some types of historical legends]. *Istoriya, kultura, folklor i etnografiya slavyanskikh narodov: VI Mezhdunarodnyy sezd slavistov* [History, culture, folklore and ethnography of the Slavic peoples. VI International Congress of Slavists], Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 248–274.

26. Solovov S. M. *Sobranie stikhotvoreniy* [Collected Poems], Moscow, Vodoley Publishers Publ., 2007. 856 p.

27. Tolstaya S. M. Dusha [Soul]. *Slavyanskije drevnosti...* [Slavic antiquities ...], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, pp. 162–167.

28. Toporov V. N. *Svyatost i svyatye v russkoy dukhovnoy kulture* [Holiness and saints in the Russian spiritual culture], Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1998. 902 p.

29. Fedorets A. I. Obraz Sergiya Radonezhskogo v zhivopisi Mikhaila Vasilevicha Nesterova [The image of St. Sergius of Radonezh in the painting of Mikhail Nesterov]. *Nash sovremennik* [Our contemporary], 2012, no. 5, pp. 274–281.

30. Florenskiy P. A. Troitse-Sergieva Lavra i Rossiya v nachale XX v. [Trinity-Sergius Lavra and Russia in the early twentieth century]. *Florenskiy P. Sochineniya* [P. Florensky Works], Moscow, Mysl Publ., 1996, vol. 2, pp. 356–365.

31. Shevchenko A. K. Pismo o smerti, lyubvi i kotenke [Letter of death, love and kitty]. *Filosofskaya i sotsiologicheskaya mysl* [The philosophical and sociological thought], 1989, no. 9, pp. 109–114.

32. Shorygina T. A. *Chas otkroveni: stikhotvoreniya i poemy* [Hour revelations: Poems], Moscow, Gnom i D Publ., 2000. 140 p.

33. Shtyrkov S. A. *Predaniya ob inozemnom nashestvii: krestyanskiy narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoy Novgorodchiny)* [Tradition of foreign invasion: Farm narrative and mythology of the landscape (on the materials of the Northeast Novgorodchiny)], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2012. 228 p.

34. Epshteyn M. *Paradoksy novizny* [Paradoxes of novelty], Moscow, Sovetskiy pisatel Publ., 1988. 414 p.